

Иосиф Вриенний

Письмо некоему Иоанну

25. ИОСИФ ИОАННУ.

Если бы я твердо знал, что это мое письмо не погибнет в море и что ты не предашь именно его тотчас же земле, после его прочтения, или огню, или, что более обычно и что часто бывает, мраку, то, составив согласно теме, я пытался бы послать тебе. Поскольку теперь я обдумываю это, я начинаю писать тебе более нерадиво. Подумай же, каково это есть, чтобы и бумага наудачу и чернила были куплены на рынке. И быть в уединении и чтобы были положены впереди и стилвотир, и ножницы, и чернильница, и чтобы перо было притуплено. И были попусту приготовлены и игла, и нить, и воск, и после этого печать. Таковы внешние обстоятельства. Каковы же те, что зависят от нас самих, и сколь значительны? Смысл находок, более полезное в них и более обременительное; наклонение шеи, устремление глаз, мастерство руки, движение пальцев, сгибание колен, выставление напоказ рядов, тип письма, красота мыслей; возможно и раскрытие секретов. Когда же и письмоносец для доставки его был приглашен и долгое плавание было окончено, и теперь, в результате хорошего исхода, оно оказалось в руках того, кому отправлено, и поскольку же для чтения келейно и втайне я передал из числа самых изящных как пропавшее для себя, прикинь себе, сколько презрения появилось у отправившего. Так вот поэтому древние, не имея подобного навыка, но как раз противоположный ему, как только посылали письмо или получали, то отправители, прежде чем передать его в руки доставщика, переписывали его, внося в книгу, содержащую и другие их сочинения. Получатели же, одновременно с получением, сразу же его показывали собеседникам; и самыми первыми заучивая наизусть, они записывали на своих писчих дощечках; и получая снова от них, сами вставляли в свои книги, и, заучивая наизусть для доказательства, дома и на рынках, и на улицах, и на собраниях, и во время бесед всякого рода, вместо всякой болтовни, эти полезные письма излагали по памяти. Вследствие этого получателем восхищались, как другом такого человека; составителю рукоплескали с похвалами как оратору; познавали и силу риторики; и по многим соображениям прославлялась образованность. Из этого следовало и нечто такое. Всякий раз, когда составителю снова хотелось тому же самому или кому-либо другому из друзей послать, он вспоминал, что получатель — друг и зачит письмо наизусть, и перепишет, и многим о нем расскажет. И в пределах годового цикла оно будет вписано на десяти или даже ста досках и сохранится в течение века, переписываемое часто учеными мужами. Ты представляешь, с какой радостью, усердием и мастерством он (составитель. — В.С.) писал его (письмо. — В.С.). Так написали письма Либаний, философ Синесий, Исидор Пелусиот и все, письма которых еще продолжают сохраняться на земле. Так, стало быть, они заботились о слове. Таковы были люди, стремящиеся к знанию, любящие красивое, любящие со взаимностью. И если, конечно, ты сам желаешь получать для себя мои письма, перепиши их прежде всего, одновременно с получением. Заучивай наизусть с рвением; читай друзьям; обстоятельно излагай всем, как только появится время, преграждая путь неуместным и вздорным разговорам. И ты получишь себе, пусть будет оговорено — с божьей помощью, очень обширное (письмо. — В.С.) и, лучше было бы сказать, тесно связанное с искусством.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Ioseph monachou tou Bryenniou ta paraleipomena... En Leipsia tes Saxonias: En te typographia tou Breitcopph, 1784. V.3. 180—182, № 25. 1—60.

Воспроизведено по изданию: Сметанин В. А. Византийское общество XIII-XV вв. (по данным эпистолографии). Свердловск, 1987. С. 242-244.